

О. И. Ханкевич

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ АНТИЧНОСТИ

Большинство современных антиковедов считает Древний Рим самобытной цивилизацией, которая, с одной стороны, впитала в себя все достижения греко-эллинистической культуры, с другой – выработала свое неповторимое политико-правовое и культурное пространство. Е. М. Штаерман пишет, что самобытность древнеримской цивилизации определялась «особым соотношением коллектива и личности в рамках античной гражданской общины..., что обусловило единство структур всей системы, от структур экономических до идеологических, регулировавшихся соответствующей системой ценностей»¹. Романисты говорят и о специфике римского социального менталитета, которому были присущи религиозное благочестие (*pietas*), следование обычаям и установлениям предков (*mores maiorum*) и уважение к правовым предписаниям (*aequum, ius*)². Обратимся к более детальному анализу сущности античной гражданской общины, формированию системы гарантий личных прав и свобод члена этой общины на примере истории Римской республики.

Одним из наиболее характерных признаков всех цивилизаций древности (древневосточные и античные – древнегреческая, эллинистическая и древнеримская) являлся тот или иной тип государственности. В большинстве цивилизаций Древнего Востока существовали монархии, а в европейской античности к середине I тыс. до н. э. сформировался особый тип общества и государства – полис³. В политическом плане полис представлял собой простую и весьма действенную форму государственности – республику с тремя формами народного представительства: народное собрание, совет и суд присяжных. Поскольку демос составлял основную массу голосующих в народном собрании – главном законодательном и избирательном органе, возникло понятие «демократия» (буквально «власть демоса»). Сделаем два уточнения. Во-первых, в античности, как и сегодня, термином «демократия» обозначались и политические институты, и идеи. В данной публикации мы будем говорить о практике античной демократии, т. е. выработанных ею институтах, включая и институт гражданского общества. Во-вторых, социальное наполнение понятия «демос» предпо-

лагают включение в него как беднейших граждан формирующегося полиса, так и зажиточных, наживших состояние доходными делами. Дело в том, что все государства Средиземноморского бассейна были втянуты в активный международный торговый обмен, что стимулировало развитие ремесла, кораблестроения и предпринимательской деятельности. И бедных, и богатых представителей демоса объединяли их незнатность и отсутствие доступа к власти, которая находилась в руках старинной родовой аристократии – евпатридов в Афинах, патрициев – в Риме.

Становление полисного государства явилось результатом широкого народного движения (практически первого в Европе народного фронта), основным требованием которого был лозунг демократии, т. е. передачи власти демосу. Однако конкретными организаторами нового порядка в большинстве греческих полисов стали прогрессивно настроенные и энергичные представители все той же аристократии. Именно они были инициаторами проведения реформ и принятия законов, утверждавших новый политический порядок и первое в европейской истории гражданское общество. В сущности, эти люди были профессиональными политиками, хотя в исторических источниках они называются по-разному: мудрецы, ораторы, военачальники.

Отсюда можно сделать вывод, что уже тогда существовала интеллектуальная и политическая элита, которую отличали особые образ жизни и система ценностей⁴. Создание в развитом античном обществе четко оформленной сословной структуры явилось отчасти результатом усиления новой знати и постоянного увеличения числа зависимых людей. Так, в I в. до н. э. в Риме сословия сенаторов, всадников и плебеев оформились как социально-правовые категории, отличавшиеся относительной замкнутостью и наследственностью. И в Греции и в Риме общественные должности (магистратуры) исполнялись, как правило, выборными и подотчетными народу представителями аристократических родов. Поэтому К. Ясперс говорит об Афинах и Риме как образце демократии аристократического типа⁵.

Обратимся теперь к анализу тех процессов, которые привели в Древнем Риме к формированию гражданского общества и той правовой системы, которая стала как бы завещанием этой цивилизации современному человечеству. Эпоха раннеримской республики (V–IV вв. до н. э.) оценивается в романистике как время формирования римской гражданской общины (лат. «*civitas*»), аналогичной греческому полису. Конституирование римской *цивитас* как особого типа полисного госу-

дарства сопровождалось, с одной стороны, процессом патрицианско-плебейского противостояния (тот же демократический фронт, состоявший в данном случае из римских плебеев – как богатых, так и бедных, последние нередко попадали в долговую кабалу к патрициям), с другой – завоеванием Римом всех италийских городов и народностей. Уже в царскую эпоху (VIII–VI вв. до н. э.) сформировались раннеримские сословия патрициев и плебеев – аристократии и простого народа.

Ядро плебса составляли пришлые в Рим люди. Затем в его состав стали входить и обедневшие члены патрициата, поскольку высший социальный и правовой ранг отца (*pater familias*) наследовал старший сын (старший внук), в то время как младшие потомки сливались с простым народом. В связи с запретом межсословных браков имело место «замыкание» патрициата в привилегированную аристократическую группировку. Только из патрициев избирались главы Римского государства – консулы и их помощники – преторы и квесторы; только патриции могли входить в жреческие коллегии; только они знали казуистику судопроизводства. Произвольно толкуя нормы обычного права (*ius consuetudinis*), направляя деятельность народных собраний (центуриатных комиций), совершая публичные гадания – ауспиции (без них в Риме не начиналось ни одного общественно-политического мероприятия), патриции установили в Риме свое политическое господство. Помимо обладания наследственным родовым имуществом, патриции узурпировали право аренды участков из государственного земельного фонда (лат. «*ager publicus*»), используя их и под пашню, и под пастбища. Доступ к аренде земли из фонда *ager publicus* и введение земельного максимума – общее требование всех плебеев; богатая же часть плебейского сословия добивалась получения доли в политическом руководстве римской общиной⁶.

Плебеи, составлявшие костяк легионной пехоты, платили трибут – налог на военные нужды, за свой счет экипировались и несли тяжелую военную службу, доставляя Риму главное богатство – отнятую у италиков землю. Однако эта земля – главное средство существования в древности – оказывалась в руках тех же патрициев. Обычно Рим отбирал у покоренного населения Италии одну треть земли в пользу колонистов из беднейших римских граждан, которые становились в колонии господствующим слоем. На новом месте возникали фактически самостоятельные полисы. Отсюда можно заключить, что Рим был распространителем цивилизации города-государства на Апеннинах. Но вопрос о земле мог частично решаться благодаря военным успехам

римлян. Поэтому тактикой борьбы с патрициями плебеи избрали отказ от участия в наборе войск для ведения очередной войны с италиками. Они располагались военным лагерем под стенами города и выдвигали свои очередные требования, заставляя патрициев идти на уступки. Такие военные забастовки назывались сецессиями.

В начале V в. до н. э. плебеи добились права избирать из своей среды народных трибунов, защитников плебса. Каждый из трибунов (всего их было 10) имел право налагать запрет (лат. «*veto*») на распоряжения патрицианских магистратов и сената, если они противоречили интересам плебеев. Власть и личность народного трибуна считались неприкосновенными, посягнувший же на трибуна посвящался богам, т. е. безнаказанно убивался. Для обсуждения важнейших вопросов трибуны могли созывать плебеев на собрание (*concilia plebis*), решения которых назывались плебисцитами (поначалу они были обязательны только для самих плебеев). В середине V в. до н. э. под давлением плебеев в Риме была осуществлена систематизация и письменная фиксация норм обычного права. Законы XII таблиц регулировали правила судопроизводства, уголовное и семейное право, а также складывавшиеся в Риме отношения частной собственности. Одна из таблиц кодекса запрещала предоставлять кому бы то ни было личные привилегии, а приговоренный магистратом на смерть римский гражданин мог апеллировать к народному собранию (*provocatio ad populum*) с просьбой о пересмотре дела. Вот как это записано в источнике: «Привилегий (т. е. отступления в свою пользу от закона) пусть не испрашивают. Приговоров о смертной казни римского гражданина пусть не выносят иначе, как в центуриатных комициях»⁷. Подтверждалось право граждан занимать заброшенный участок, владельцем которого они становились после двухлетнего срока пользования (так называемая трудовая собственность).

В течение второй половины V–IV вв. до н. э. были разрешены межсословные браки, количество арендованной у государства земли ограничивалось 500 югерами, богатые плебеи получили доступ в жреческие коллегии и к магистратуре, включая и консулат (патриции дольше всего боролись против допуска плебеев к консульской должности)⁸. Запрещалась долговая кабала римских граждан: должник отвечал отныне перед кредитором «своим имуществом, но не телом», т. е. не своей свободой, личной независимостью (Ливий, VIII, 28). Выведение же колоний на земли италиков позволило новой знати избавиться от лишнего и мятежного населения Рима. Наконец, в 287 г.

до н. э. по решению диктатора Кв. Гортензия плебисциты были уравнены с законами (*leges*), принятыми всенародными центуриатными комициями. С этого времени трибутные комиции (трибы – городские и сельские округа, всего их было 35) становятся главным законодательным органом Римской республики. Комиции являлись формой прямого самоуправления народа, поэтому принятый ими закон (*lex rogata*) считался римскими юристами высшей и самой совершенной формой позитивного права⁹. Между его предписаниями и социальной практикой существовала в древнем обществе область их взаимодействия, столкновения интересов, выражавших тенденции и динамику социального развития. Остановимся и на этом вопросе.

С завершением трехвековой борьбы сословий социальная структура римского общества изменилась. Богатые плебеи слились с патрицианской знатью, образовав привилегированную группу нобилей. Это был статус, т. е. фактическое положение в обществе, юридически не зафиксированное. Статус нобилия основывался на традиции, богатстве, обширной клиентеле, которую знать черпала из вольноотпущенников-либертинов. Термином же «плебей» стали обозначать простых римских граждан, противостоявших знати. В совокупности плебеи и знать составляли социальную категорию *populus Romanus*. Римский народ считался носителем верховной власти. Народное собрание не только избирало консулов, но и вручало им верховную власть – империй. Все решения сената имели формулу: «Сенат и народ римский постановили». Международные договоры также заключались от имени народа, а армия носила название «войско народа римского». И хотя идея народного суверенитета воплощалась в форме голосования, комиции могли собираться только по инициативе магистрата и давать ответ на его предложение по принципу «да» или «нет». Предварительное обсуждение законопроектов проводилось, как правило, в сенате. Более того, до конца II в. до н. э. голосование было устным, что позволяло знати контролировать ход народного собрания и его результаты. В I в. до н. э., в период кризиса полисной республики, городской плебс, составлявший основную массу голосующих в Риме, уже откровенно торговал своими голосами¹⁰. Оформлялись сословия сенаторов и всадников. Сферой деятельности сенаторов, являвшихся крупными земле- и рабовладельцами, были война и политика. В состав всаднического сословия входила торгово-денежная аристократия, занимавшаяся откупам (сбором налогов с провинций), торговлей и ростовщичеством. В период поздней республики из всадников комплектова-

лись специальные судебные комиссии, рассматривавшие дела зарвавшихся откупщиков и наместников провинций, нещадно грабивших местное население.

По форме организации власти римская гражданская община (цивитас) была аристократической республикой. Ведущую роль в ней играл постоянно действующий орган власти – сенат (лат. «*senex*» – старик), члены которого назначались пожизненно из числа высших магистратов. Текущие дела находились в ведении магистратов – выборных должностных лиц с годичным сроком полномочий. Все магистратуры действовали по принципам выборности, коллегиальности, гласности и безвозмездности (занимать какой-то пост считалось почетом, лат. «*honor*», и поэтому должности не оплачивались). Неколлегиальной чрезвычайной магистратурой была диктатура, к которой прибегали в случае особо опасной войны (полномочия диктатора ограничивались шестью месяцами). Права высших магистратов обозначались понятием «*imperium*» – право созывать сенат и народное собрание, право военного командования и высшей юрисдикции. Римская концепция государства выражалась именно через понятия «империй» и «провинция»: в пределах городских стен (лат. «*pomoerium*») это означало право высшей юрисдикции, за первым милевым столбом на городской окраине – право военного командования. Область применения «империя» носила у римлян название «провинция». Отсюда можно сделать вывод, что государство римлян (кстати, сами они термин «государство» не употребляли) представляло собой совокупность владений, признававших над собой власть *populus Romanus* и империй его наместников¹¹.

В юридическом отношении все население республиканского Рима состояло из полноправных, неполноправных и бесправных – ими были рабы, объекты права. Полная правоспособность (лат. «*caput*») римлянина в обществе определялась наличием трех состояний (лат. «*status*»): статуса гражданства (*civitatis*), статуса свободы (*libertatis*) и статуса семьи (*familiae*). Римский гражданин (*civis*), член гражданской общины (*civitas*), – участник и исходный субъект гражданско-правовых отношений. Но для этого ему надо было быть свободным римлянином, т. е. гражданская правосубъектность являлась следствием политической (государственной) правосубъектности. Статус гражданства давал право вступать в законный брак (*ius conubii*), участвовать в гражданском обороте (*ius commercii*) и в голосовании в комициях (*ius suffragii*), быть избранным на магистратские должности (*ius*

honorum)¹². Граждане не платили налогов и только в случае крупной военной кампании они вносили в соответствии с их цензом военный заем (трибут), который сенат обязан был возместить после победы. Выезжая в основанные на территории Италии колонии, римлянин сохранял свой гражданский статус. Это говорит о том, что не территория фиксировала статус гражданства, а право: совокупность прав римского гражданина перемещалась вместе с ним за пределы коллектива, где он проходил ценз.

Римское частное право (*ius privatum*) – это комплекс личных и имущественных прав. Оно регулировало отношения между частными лицами в пределах Римской державы, включая и неполноправных, но юридически свободных перегринов (Дигесты. I. 6–9). Перегрины – жители тех италийских городов и поселений, с которыми Рим имел договор о союзе. Поэтому составной частью римского частного права является право народов (*ius gentium*), определявшее характер сделок римлян с перегринами, а также регулировавшее отношения между самими перегринами (Дигесты. I. 1–5). Эксклюзивность *ius civile* была нарушена в начале I в. до н. э. Союзнической войной (91–89 гг. до н. э.), когда гражданские права были предоставлены всем италичкам, а затем в III в. н. э. в соответствии с эдиктом Каракаллы (212 г. н. э.) такие же права получило все свободное население римских провинций (провинции – внеиталийские владения Рима). *Civitates peregrinae* всех типов исчезло, а *ius civile* становится с этого времени основной правовой системой в Средиземноморье.

Можно утверждать, что произошло юридическое закрепление процесса преобразования огромного конгломерата племен и народностей в более или менее однородное государственное образование. В современной исторической литературе оно обозначается как империя, т. е. как универсальное государство, объединенное единым управлением и общим законодательством. Однако при том культурном и этническом разнообразии, которым отличалась Римская империя, понятие «римский» могло означать общие элементы политической, но не национальной культуры. Как замечает Э. Аннерс, то, «что римляне так долго могли держать свою империю в едином монолите, вне всякого сомнения, зависело от их выдающихся административных и юридических способностей»¹³. При трансформации римской *civitas* в монархию все свободные жители империи, постепенно терявшие былые свободы и привилегии, становились подданными императора, обязанными платить в казну (лат. «*fiscus*») налоги. Они стали делиться

на привилегированных, «почтенных» (сенаторы, всадники, декурионы), и неполноправных, «низших» (простонародье). Чтобы сделать налоговую систему более эффективной, население принуждали жить там, где оно находилось во время первой переписи. В итоге люди становились привязанными к своим землям и профессии. К примеру, записавшись в какую-либо ремесленную коллегию, римлянин не мог уже без разрешения местных властей бросить свое ремесло. Куриалам, т. е. проживавшим в городах землевладельцам, входившим в городские советы (курии), также запрещалось продавать имения и покидать город. Так, в поздней античности возникают отношения протофеодального типа, знаменовавшие наступление в Европе новой исторической эпохи – средневековья.

В завершение поговорим о системе духовных ценностей римского гражданина. Современная наука говорит о приоритете практического знания и опыта над понятийным мышлением, лежавшим в основе римской культурной традиции. Й. Хёйзинга пишет об этом так: «По-крестьянски наивные формы, в которых древнеримское общество стремится к божественному покровительству, пахнут землей и дымом домашнего очага»¹⁴. Тем не менее те же римляне первыми стали обожествлять такие морально-нравственные и социальные понятия как «Конкордия» (согласие), «Пиетас» (благочестие), «Фидес» (доверие, честность), «Пакс» (мир), «Клеменциа» (милосердие), «Виртус» (мужество), «Виктория» (победа), «Фортуна» (судьба), «Либертас» (свобода). Свобода имела особое значение среди духовных ценностей римлян, о чем свидетельствует сооруженный в ее честь специальный храм на форуме. Выражение *leges libertasque* означало Конституцию Римской республики.

Разные социальные слои толковали свободу по-разному: как направленную против кучки олигархов свободу римского народа, гарантированную властью народных трибунов и правом апелляции к народному собранию; как авторитет сената и его свободу от самоуправства магистратов и претендентов на единоличную власть; как равенство всех граждан перед законом. Характерной и специфически римской была неразрывная связь свободы и экономической независимости, что нашло отражение в формуле «Жалованье делает человека рабом». Человек, работавший за плату, арендовавший чужую землю, кому-то чем-то обязанный, хотя и был юридически равноправен, полностью свободным считаться не мог. Возможно, замечает Е. М. Штаерман, такое представление восходило к обязанности кли-

ентов поддерживать патрона всеми возможными способами, в т. ч. голосованием в народном собрании¹⁵. Уже в эпоху царей обедневшие плебеи и вольноотпущенники искали покровительства и защиты у богатых и влиятельных римлян. Эти отношения патроната-клиентелы наложили отпечаток на всю социально-политическую организацию Римского государства. Наиболее обычной в дошедших до нас текстах была трактовка «либертас» как свободы от царской власти, или «тирании». Обвинение в стремлении к царской власти со времен изгнания Тарквиния Гордого (510 г. до н. э.) являлось наиболее обычным орудием борьбы любой политической группировки (лат. «*pars*») с лидерами враждебной группировки¹⁶.

Синонимом же добродетели вообще стало персонифицированное *Virtus* (с лат. «мужество»), понимаемое как совокупность подходящих римскому гражданину свойств: храбрости, выносливости, трудолюбия, достоинства, честности и справедливости (*ius*). Древней общегражданской добродетелью считалась и *Concordia* – «согласие», понимаемое как примирение борющихся сословий. В 367 г. до н. э. этому божеству также был сооружен храм на форуме. Практическим выражением достигнутого согласия между патрициями и плебеями стали принятые в этом же году законы Г. Лициния и Л. Секстия, направленные «против силы патрициев и в пользу плебеев» (Ливий, VI, 35). Что касается «Фидес», то здесь следует говорить о межличностных отношениях в древнеримском обществе. Установление личных контактов имело не только коммуникативное значение, но и повышало самооценку отдельной личности, способствовало осознанию ею собственных интересов. Верность такому союзу гарантировалась магическими и религиозными средствами – клятвами, гаданиями, обменом тотемами. В экономических двусторонних контактах также соблюдался принцип формального равенства и соразмерности (справедливости)¹⁷.

Таким образом, особенности социально-политических процессов, специфика исторического бытия и правового менталитета древних римлян позволяют нам исследовать на примере развития этой цивилизации один из путей становления демократии и гражданского общества. Это общество провозгласило безусловный приоритет прав и свобод гражданина, защищенного частно-правовыми нормами и системой государственных институтов. Надо полагать, демократия – не уникальный феномен, неповторимо проявившийся в единственном историческом опыте (то ли афинском, то ли римском). Это модель организации общества, которая уже в те далекие времена находила во-

площение в самых разнообразных исторических обстоятельствах и реалиях.

---

¹ Штаерман Е. М. Проблема римской цивилизации // Цивилизации. Вып. 1. М., 1992. С. 111.

² Сергеев Д. Д. Система официальных идеологических ценностей в Риме при переходе от республики к империи. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 7–11.

³ Ханкевіч В. І. Поліс // Беларуская энцыклапедыя. Т. 12. Мн., 2001. С. 476–477.

⁴ Нарта М. Теория элит и политика: к критике элитаризма / Пер. с чеш. М., 1978. С. 140–144; Вебер М. Избранное: образ общества / Пер. с нем. М., 1994. С. 72.

⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М., 1994. С. 84–92.

⁶ Проблемы происхождения и социально-политического развития раннего Рима (реферативный сборник). М., 1984; Маяк И. Л. Рим первых царей: генезис римского полиса. М., 1983; Кофанов Л. Л. Обязательственное право в Древнем Риме (VI–IV вв. до н. э.). М., 1994.

⁷ Законы XII таблиц: IX, 1–2 // Хрестоматия по истории Древнего Рима. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1987. С. 33.

⁸ Тит Ливий. История Рима от основания города, VI, 31–42 / Пер. с лат. Т. 1. М., 1989. С. 310–322.

⁹ Дигесты. 1. III. 32 // Памятники римского права. М., 1997. С. 168.

¹⁰ Ханкевич О. И. Древние цивилизации. Мн., 2000. С. 77–105.

¹¹ Imperium / RE, S. 1156; Badian E. Roman Imperialism in the Late Republic. Oxford, 1968. P. 23; Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978. P. 105–106.

¹² Хвостов В. М. Система римского права. М., 1996. С. 89–106; Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1999. С. 270–282.

¹³ Аннерс Э. История европейского права / Пер. со швед. М., 1996. С. 122.

¹⁴ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. М., 1992. С. 197.

¹⁵ Штаерман Е. М. От религии общины к мировой религии // Культура Древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 26–27; Она же. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961; Crifo G. Liberta e usuguaglianza in Roma // Liberta e usuguaglianza in Roma antica. L'emezzione storica di una vicenda istituzionale. Roma, 1984. P. 7–70.

¹⁶ Светоний. Божественный Юлий, 79–81 // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1964. С. 30–31.

¹⁷ Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1999. С. 15, 131.